

Терпигорев Сергей Николаевич

Тамбовский Робинзон

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Николаевич Т.**
Тамбовский Робинзон / Терпигорев Сергей Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
36 с.

ISBN 978-5-519-76568-8

ISBN 978-5-519-76568-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Б ОРИСЪ Дми-
тріевичъ,
матушкинъ
братъ, жилъ вер-
стахъ въ тридцати
отъ насъ. Это былъ
высокій, плотный

старикъ съ красной сѣдой головой. Сѣдые, почти совершенно бѣлые волосы и такая же большая окладистая борода, черные, умные, пытливые глаза, густой, сильный, но какой-то удивительно мягкій голосъ дѣлали его необыкновенно привлекательнымъ. «Заговорить—и что хочетъ сдѣлаетъ съ человѣкомъ»,—говорили про него. «Борисъ Дмитріевичъ—да развѣ можно противъ него устоять?» «Ну, да ужь если Борисъ Дмитріевичъ сказалъ—такъ что-жъ тутъ?»

Я помню эти фразы, какъ сталъ себя помнить. Борисъ Дмитріевичъ вездѣ первое лицо. Онъ ни во что не мѣшается, ни до чего ему дѣла нѣтъ, ни къ кому почти изъ сосѣдей онъ не входитъ. А между тѣмъ всѣ интересуются, что скажетъ Борисъ Дмитріевичъ.

У насъ онъ бывалъ раза два, много три въ годъ, не больше: на матушкино рожденіе, на именины отца и на мое рожденіе. Онъ былъ старшій братъ матушки—старше ея лѣтъ на пятнадцать—и былъ ея крестнымъ отцомъ. Потомъ, когда она вышла замужъ и я родился, она просила его быть и моимъ крестнымъ отцомъ.

Онъ очень любилъ матушку, и ужь я не знаю—по ней или такъ, но эту любовь онъ перенесъ и на меня.

Это былъ очень странный человѣкъ. Кромѣ такой оригинальной наружности, — тогда все ходили болѣе или менѣе коротко остриженные, бородъ не носили, носили только усы, — онъ и жизнь велъ оригинальную. Одѣвался онъ чрезвычайно просто; носилъ, какъ мужикъ, длинный тулупъ, на головѣ старую, порядочно истасканную шапку, и кто-бы его встрѣтилъ на дорогѣ, тотъ навѣрное не подумалъ-бы, что это богатый помѣщикъ. На себя и на свой прожитокъ онъ тратилъ самые пустяки, раздавая весь свой доходъ своимъ-же мужикамъ. Строилъ для нихъ больницы, школы, платилъ за ученье мальчиковъ въ Москвѣ, Петербургѣ, куда самъ на свой счетъ возилъ особенно способныхъ. Мальчикъ выучится, пріѣдетъ въ деревню.

— Ну, здравствуй, Иванъ. Выучился?

— Выучился, Борисъ Дмитріевичъ.

— Хорошо. Теперь, братецъ, вотъ что. Ты столяръ и сдѣлай мнѣ такое кресло, какого потвоему ужъ лучше быть не можетъ. Что тамъ тебѣ для этого нужно — скажи, велю купить.

Скажетъ ему Иванъ, что нужно, все это онъ запишетъ, велитъ купить и станетъ ждать, что такое ему Иванъ принесетъ. Проходитъ сколько-то времени, докладываютъ: «Иванъ пришелъ».

— Кресло принесъ?

— Точно такъ.

— Зови его, посмотримъ.

Внесетъ Иванъ кресло, поставитъ его передъ дядей. Тотъ смотритъ.

— Ну, чѣмъ-же оно по-твоему хорошо?

— Сидѣтъ въ немъ ужъ очень ловко.

Дядя сядетъ.

— Ничего... Хорошо.

— И потомъ-съ рѣзьба...

— Вижу... хорошо.

— Опять-съ тоже и насчетъ прочности...

— Вижу.

Внимательно осмотритъ онъ его, со всѣхъ сторонъ осмотритъ, и такъ и этакъ повернетъ, и скажетъ, если доволенъ:

— Ну, вотъ что теперь... Отпущу я тебя, братецъ, на пять лѣтъ на оброкъ, и этого оброку ты долженъ платить въ годъ столько-то. Деньги эти не мнѣ, — вы всѣ это знаете, — онѣ пойдутъ на больницу, на лѣкарства. Послужи своей деревнѣ, гдѣ родился и гдѣ тебя воспитали, а потомъ придешь, и если останешься хорошимъ человѣкомъ, не пьяницей, не воромъ, не мотыгой—получай вольную и съ Богомъ. Хочешь, — оставайся съ нами и живи здѣсь, работай, нѣтъ—дорогъ много. Несчастье какое—приходи, поможемъ. А теперь

ты поживи у насъ, отдохни, погуляй, а осенью и за дѣло, съ Богомъ.

И такъ много народа вывелъ онъ въ люди. Многимъ и помогалъ потомъ, которые приходили, жаловались на свою судьбу, просили его помощи.

— Видишь, братецъ, — говорилъ онъ имъ, — своихъ денегъ у меня нѣтъ. А эти вотъ, которыми я распоряжаюсь, это не мои. Если я тебѣ дамъ изъ нихъ, то вѣдь пожалуй придется другому кому отказать. А вдругъ ему-то нужнѣе твоего? Вотъ изъ твоихъ словъ ужъ я вижу, что не совсѣмъ ты правъ, по глазамъ твоимъ я это вижу, и беретъ меня отъ этого раздумье. Посуди самъ, ну, какъ-же это такъ? Человѣкъ ты ученый, выучили мы тебя, выучили на свои деньги и ихъ не жалѣли для тебя. Сталъ ты вольнымъ... и не можешь самъ себя поддержать? Спроворить самъ не можешь?

— Несчастіе, Борисъ Дмитріевичъ. Свидѣтелей могу представить...

— Перестань, что за гадости!.. Какіе свидѣтели? Какъ-же это можно говорить? Если-бы я сталъ кому говорить, а мнѣ бы сказали: «покажите свидѣтелей!» Такъ и ты. Надо, чтобы на слово тебѣ вѣрили. Свидѣтели! Нѣтъ, ты мнѣ про свидѣтелей-то ужъ не говори!

Продержитъ онъ такъ его съ недѣлю. Сегодня съ нимъ поговорить, завтра, послѣзавтра, и наконецъ скажетъ:

— Ну, вотъ что: мы тебѣ поможемъ, выручимъ. Но знай,—если этихъ денегъ намъ не возвратишь,—не показывайся къ намъ. Ты ужь не нашъ тогда будешь, и мы знать тебя не хотимъ. А вѣдь мы сильнѣе тебя... На, возьми, иди съ Богомъ.

Я мальчишкой еще былъ и, бывая у него, сколько я такихъ сценъ видѣлъ!.. И никогда онъ при этомъ не говорилъ «я», всегда «мы», никогда не отдѣлялъ себя отъ деревни. Точно онъ былъ не собственникъ ея, не полный и безотчетный ея хозяинъ, а только старшій въ ней человѣкъ, распорядитель и представитель ея. Это до того было въ то время странно слышать и видѣть, что каждый невольно какъ-то останавливался и задумывался: да что-жъ это такое?

Не было у него никакихъ и наказаній. Виновать кто,—укралъ или сдѣлалъ что-нибудь ужь очень дурное,—призоветъ и только скажетъ:

—Вотъ что, братецъ, намъ съ тобою жить нельзя. Ты ужь оставь насъ, уходи. Вотъ тебѣ паспортъ—уходи.—И это считалось величайшимъ наказаніемъ. Люди плакали, молили о прощеніи, но ужь

тутъ, въ такихъ случаяхъ, онъ бывалъ неумолимъ.

— Нѣтъ, братецъ, ты намъ не нуженъ.

— Батюшка, Борисъ Дмитріевичъ, я заслужу вамъ. По гробъ жизни моей...

— Заслужу!.. Да что-жъ, ты думаешь, мы безъ тебя пропадемъ, съ голоду умремъ? Очень нужна намъ твоя работа! Мы сами работники не хуже тебя. Себя прокормимъ, небось! Уходи, братъ, оставь насъ...

И дома, у себя, въ своей домашней жизни, онъ былъ такой-же странный. Въ самой серединѣ его владѣній—у него было деревень десять, и всѣ въ одной общей межѣ—былъ густой, дубовый и сосновый, старинный, заповѣдный лѣсъ, десятины триста. Въ самой серединѣ этого лѣса, на высокой кручѣ, надъ рѣкой, стояла его усадьба: маленькій деревянный домикъ изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, комнатъ въ пять, людская изба, конюшня и какой-то сарайчикъ, въ которомъ помѣщалась домашняя скотина и птица — и больше ничего.

Въ домикъ онъ жилъ одинъ, прислуги у него не было. Разъ какъ-то его спросили объ этомъ: для чего это онъ дѣлаетъ?

— Развѣ я больной? Что-же за мною ходить?—отвѣтилъ онъ.

— Ну, да, знаете, все-таки...

— Все-таки, я вамъ скажу, лучше...

Онъ самъ и кушанье для себя готовилъ, и это кушанье всегда было: щи кислыя или лѣнныя, смотря по времени года, съ кускомъ жирной, отличной говядины и гречневая каша, — никогда ничего другого. Этимъ-же самымъ онъ угощалъ и всѣхъ, кто прїѣзжалъ къ нему по дѣлу или такъ просто навѣстить его.

— Кушайте, — говорилъ онъ, самъ внося и ставя на столъ горшокъ со щами, — вѣдь больше у меня дѣйствительно ничего нѣтъ. Это у меня не фраза, когда я зову и говорю: «На тарелку щей».

Ложки были деревянныя. Ножи и вилки серебряныя. Никакого вина, кромѣ краснаго, онъ не пилъ, но этого — два раза въ день, за обѣдомъ и ужиномъ, выпивалъ по бутылкѣ, и вино было отличное; онъ какъ-то самъ его выписывалъ и самъ разливалъ.

По-своему, онъ былъ очень радушенъ, т.-е. онъ любилъ, когда гость много у него ѣстъ и пьетъ, еще если и похваливаетъ къ тому-же.

— Ничего вѣдь — сыты?

— Отличныя щи, Борисъ Дмитріевичъ.

— Я знаю, щи очень хороши. Удались сегодня.

Насъ, дѣтей, дядя Борисъ очень любилъ. Когда мы прїѣзжали къ нему, онъ, сидя за излюбленнымъ своимъ «чаепитіемъ», охотно рассказывалъ намъ про житье-бытье мужичковъ, про то, какъ надо жить, какъ работать. Рассказывалъ онъ притомъ такъ увлекательно и интересно, что мы съ сестрой заслушивались и не замѣчали совсѣмъ, какъ проходитъ время.

Борисъ Дмитріевичъ былъ для своего времени отлично образованный человѣкъ. Въ молодости онъ былъ морякомъ и сдѣлалъ кругосвѣтное плаваніе. Кромѣ того постоянно и много читалъ. Былъ отличный математикъ, отличный плотникъ, столяръ и токарь.

Однажды, мнѣ было тогда лѣтъ восемь, когда онъ былъ у насъ, Богъ знаетъ отчего загорѣлась и сгорѣла наша баня. Ее только-что выстроили въ прошломъ году изъ липоваго лѣса и вдругъ она сгорѣла. Отца, любителя бани, это очень раздосадовало.

— Это все отъ несмотрѣнія!.. Никому ни до чего дѣла нѣтъ!..—ворчалъ онъ.

— Ну, перестань, утѣшься. Вѣдь не нарочно же ее сожгли. Конечено, курилъ кто-нибудь, заронилъ огонь — вотъ и все. Я тебѣ новую подарю баню. Еще лучше будетъ. Ты знаешь, у меня много липоваго лѣса,—утѣшалъ дядя.

На другой день онъ отъ насъ уѣхалъ, а черезъ два дня видятъ — везутъ цѣлый обозъ, подводъ тридцать, и все какія-то бревна, бѣлыя, совсѣмъ ужъ обтесанные: руби и строй что хочешь. Въѣхали во дворъ... Впереди идетъ самъ Борисъ Дмитріевичъ въ бѣлой полотняной рубахѣ, какъ всегда онъ дома у себя ходилъ. Остановился, оглядѣлся и пошелъ въ домъ. Всѣ такъ и ахнули. Я помню,—это было цѣлое событіе, и мы, дѣти, были удивлены такимъ его пріѣздомъ и смотрѣли на него съ любопытствомъ не меньше взрослыхъ.

— Я хочу самъ тебѣ выстроить баню,—говорилъ онъ отцу.—Потомъ парьтесь да вспоминайте меня.

— Что за фантазія?

— Никакой фантазіи... Срублю и все тутъ.

Онъ прожилъ у насъ съ недѣлю вдвоемъ со своимъ пріятелемъ, плотникомъ Кузьмой, его-же крестьяниномъ, и стали строить баню.

Это былъ для насъ праздникъ. Ученье, гувернантки, исчезли. И я и сестра, мы цѣлый день были съ нимъ на постройкѣ, собирая бѣлыя, нѣжныя липовыя щепки и стружки; цѣлые вороха ихъ набрали.

До зари еще, утромъ, вставалъ онъ и шелъ въ садъ, на берегъ рѣки, гдѣ строилась баня. Му-